

нападение Германии на Советский Союз (22 июня 1941 г.) сделали два государства — Югославию и СССР — верными союзниками в войне (с. 285) и вновь вернули из небытия братские узы двух народов.

Представленная на рецензирование монография заслуживает внимания прежде всего благодаря ее источниковой базе, на основе которой автор провел комплексный анализ развития отношений Королевства Югославия и СССР с 1939 по 1941 г., дав оценку факторам, оказывающим деструктивное, разрушающее воздействие (международное

положение Югославии, слабость и противоречивость ее внешнеполитического курса). К достоинствам книги следует отнести справочный аппарат и приложения, включающие опубликованные копии исторических документов, рапортов, архивных материалов и воспоминаний участников трагических событий конца 1930 — начала 1940-х годов XX в.

Монография А. Животича, несомненно, вызовет интерес отечественных и зарубежных специалистов, интересующихся историей международных отношений и дипломатии.

DOI: 10.31857/S013038640018580-6

© 2022 г. И.И. Филатова

## ПРОШЛОЕ — В НЫНЕШНЕМ

**Рец. на книгу: А.Б. Давидсон. НАШЕ НЕУШЕДШЕЕ ВРЕМЯ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 288 с.**

*Филатова Ирина Ивановна — доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).*

*E-mail: ifil@mweb.co.za*

*Scopus Author ID: 55340678200; ORCID: 0000-0001-5449-4980; Researcher ID: N-5890-2013*

**I.I. Filatova**

## THE PAST IN THE PRESENT

**Rec. ad op.: A.B. Davidson. OUR TIME THAT NEVER PASSED. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2021. 288 p.**

*Irina Filatova, National Research University "The Higher School of Economics" (Moscow, Russia).*

*E-mail: ifil@mweb.co.za*

*Scopus Author ID: 55340678200; ORCID: 0000-0001-5449-4980; Researcher ID: N-5890-2013*

Эта книга — о памяти. Личной и исторической. Память очень важна для каждого из нас. Для народов и для государств. А.Б. Давидсон пишет: «Многие страны и народы помнят о своем прошлом прежде всего то, чем можно гордиться: успехи, достижения, победы... А государственные ошибки, промахи, преступления? Если их забыть, не вспоминать, они повторяются» (с. 15).

Для нас память особенно важна сейчас. Почему сейчас? Ответ на этот вопрос — в самом начале книги. Аполлон Борисович цитирует своего ближайшего друга Игоря Семеновича Кона, всемирно известного социолога, историка и философа:

«Еще недавно казалось, что советские условия безвозвратно ушли в прошлое и мало кому интересны. Но сейчас наше общество все больше напоминает мне ту страну, в которой я прожил первые шестьдесят лет своей жизни... А коль скоро это так, прошлый опыт важен не только будущим историкам, о нем полезно знать и современным молодым людям, даже если они сами этого пока не осознают» (с. 14).

Смысл книги отнюдь не только в том, чтобы передать воспоминания 92-летнего автора о своей жизни тем, кто не жил ни в 30-е, ни в 40-е, ни в 50-е годы прошлого века, тем, кто не помнит ни 60-х, ни

70-х, а то и 80-х и 90-х. Но это один из важнейших ее смыслов. Не так уж мало было о тех временах написано, но тема эта становится все важнее.

Не буду перечислять чины и звания Аполлона Борисовича. Он прежде всего историк, который прожил длинную, непростую и очень интересную и богатую наблюдениями и размышлениями жизнь. Ему есть, чем поделиться с читателями. Но историки редко пишут воспоминания только для того, чтобы рассказать о своей жизни. Поэтому о личном в книге — совсем немного. А то, что есть, — свидетельства времени.

«Наше неушедшее время» — книга о времени, в котором выпало жить автору, о людях, с которыми ему довелось встретиться, о прочитанном, передуманном, увиденном, сделанном, пережитом. А.Б. Давидсон приглашает читателя в свой мир, и этот мир оказывается поразительно разнообразным. От сибирской ссылки отца, из-за которой автор родился в глухой деревне, где не было возможности даже зарегистрировать его появление на свет, до испытанных на себе сталинских репрессий 30-х годов XX в. От ленинградской блокады до кампаний против «космополитов» и «врачей-убийц». От хрущевской оттепели до горбачевской перестройки. От студенческих будней до преподавания в Кейптаунском университете и американских университетах. От Африки и африканистики до «Серебряного века» русской поэзии.

О сталинских и более ранних советских репрессиях написано много, но вот о том, как эти репрессии сказались на судьбах детей репрессированных, об их чувствах и об отношении к ним и чиновников, и окружающих — куда меньше. Причем то, что опубликовано, обычно касается судеб детей самых известных деятелей страны и государства. Совсем недавно прочитала статью о коллективном иске детей жертв репрессий к Госдуме РФ. Речь шла о том, что российский парламент не исполняет требование Конституционного суда о предоставлении компенсации ущерба жертвам репрессий. Вспомнила об этом, читая страницы о детстве и юности Аполлона Борисовича. В те времена мысль о такой компенсации могла прийти в голову только безумцу.

А.Б. Давидсон — блокадник. Он пережил в своем городе первую, самую трудную блокадную зиму. Сколько рассказов о блокадном Ленинграде мы перечитали и переслушали. И все же каждая деталь, приведенная Аполлоном Борисовичем, потрясает. Перечень умерших родственников — некоторые шли умирать на улицу, чтобы не обременять родных. Долгое однообразие дней без еды,

воды, света, тепла. Отношение советских властей, очевидно считавших сдачу города неизбежной и потому не очень озабоченных спасением населения (с. 16–21). Закрытие после войны, в 1949 г., только что созданного музея обороны Ленинграда и уничтожение десятков тысяч экспонатов, в том числе дневников и личных вещей блокадников (с. 25).

Жуткие подробности эвакуации. На «Дороге жизни» через Ладогу людей в грузовиках накрывали брезентом, но его можно было приподнять, и 12-летний Аполлон видел, как грузовик впереди, попав в воронку, ушел под лед. Дальше — поезд, в котором родные продолжали умирать. В шедшем перед поездом Аполлона Борисовича составе вели отправленных из Ленинграда в ссылку. На платформе после него оставались сложенные горками трупы: в начале платформы и в конце (с. 23). Пришло же в голову властям отправлять ленинградцев из голодающего, умирающего города — в ссылку! Отправляли тех, кто уже бывал в ссылке. Так был снова сослан и отец А.Б. Давидсона.

На последние годы школы и первые университетские годы А.Б. Давидсона пришла новая волна сталинских репрессий. На школьные — «удар по культуре» 1946–1949 гг. Постановления, в которых руководство страны клеймило Ахматову, Зощенко, Эйзенштейна, Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна и других самых выдающихся представителей творческой интеллигенции. На университетские — лысенковский разгром генетики, Ленинградское дело, травля «космополитов», «врачей-убийц».

Повествование книги позволяет осознать, с какой скоростью катился этот каток. Как быстро менялась ситуация: вчера было законно и можно, а сегодня за это уже расстрел. Помогают они и понять, как отразился этот процесс на формировании молодежи поколения конца 40-х — начала 50-х годов. И на формировании личности и судьбе сына ссыльного с «нерусской фамилией».

Личное здесь — о собраниях на истфаке Ленинградского университета и безумии, охватывавшем участников таких мероприятий, об арестах сокурсников, о покаянных выступлениях известных ученых, о беспредельном вмешательстве властей в личную жизнь студентов (с. 55–59).

А.Б. Давидсон приводит стихи Марка Качурина, тогдашнего студента соседнего факультета:

Рубеж сороковых-пятидесятых  
Я не забуду, доживу хоть до ста.  
Эпоха книг и авторов изъятых.  
Эпоха выдвижения прохвостов.

Прочитав это, я подумала: почему только 40–50-х? А как, скажем, насчет 20-х годов трех последних веков? В истории нашей страны «эпоха книг и авторов изысканных» наступала, увы, неоднократно.

А.Б. Давидсон вспоминает тех, кто ввел его в профессию историка, помог ее освоить. Первыми среди них оказались непрофессионалы. В.А. Макрушин, дядя Аполлона Борисовича и его будущий соавтор, и Г.Л. Григорьев, друг семьи. Они учили его, как и что читать, любить и ценить. Макрушин был литературным редактором и работал в Доме книги. Григорьева не приняли в университет из-за его дворянского происхождения, но он был библиофилом, и история была его страстью. В годы перестройки опубликована его книга об Иване Грозном.

В самом начале университетской жизни А.Б. Давидсона декан истфака, В.В. Мавродин, преподавал ему, может быть, самый важный для профессионального историка урок: «История может быть в двух видах: как наука и как патристический жанр» (с. 46). И еще один — как относиться к студентам. Мавродин на просьбу первокурсника Давидсона досрочно сдать экзамен согласился и принял этот экзамен в день, когда уже знал, что его уволят с работы (с. 53–54).

Запомнилось А.Б. Давидсону и отношение к студентам академика Е.В. Тарле. В 1949 г., когда Тарле уже уволили из Ленинградского университета, он согласился прийти туда и прочитать лекцию по просьбе студентов, которую ему передал Аполлон Борисович.

С глубочайшим уважением пишет А.Б. Давидсон о своих профессорах, чьи профессиональные качества ценил и уважал. Но среди них не было африканистов. А Африка интересовала его из-за романтики любимых с детства стихов Гумилева и приключенческих романов Майн Рида, Буссенара. Помог и совет Григорьева: «Если Вы возьмете тему по России или Западу, все время Вам придется исходить из цитат классиков марксизма-ленинизма... А об Африке классики марксизма почти ничего не успели сказать» (с. 49).

Дмитрий Алексеевич Ольдерогге не преподавал на истфаке, но занимался Африкой. Начинаящему африканисту он уделил немало времени. Всех впечатлений А.Б. Давидсона об этом интереснейшем человеке, одном из основоположников российской африканистики, здесь не пересказать. Но вот еще один профессиональный урок от этого мэтра: «Делать надо не только то, что начальство от Вас требует, но и то, что оно Вам сегодня категорически запрещает. Именно это и будет завтра самым важным. И самым нужным» (с. 60–61).

Начало 1953 г., накануне окончания студенческой жизни Аполлона Борисовича, отмечено пиком сталинского антисемитизма, да и вообще гонений на интеллигенцию. Выпускник Давидсон нигде не мог устроиться на работу. Но вскоре после ухода Сталина эта кампания затихла. И осенью 1953 г. Аполлона Борисовича приняли в аспирантуру Института истории АН СССР. Пришлось переселиться в Москву. В Институте истории — созвездие лучших историков страны. А.Б. Давидсон не осуждает их за идеологические шоры. Говорит лишь о том, чему они научили его и что было для него важным: об уровне их образованности. Его научным руководителем (а затем другом на всю жизнь) стал англовед Николай Александрович Ерофеев. Так началась научная жизнь Аполлона Борисовича.

Где только он потом не работал. В Институте всеобщей истории, в Институте востоковедения, в Московском государственном университете, в Высшей школе экономики, в Университете дружбы народов. Читал лекции и в Высшей дипломатической школе и даже африканским студентам в «Ленинской школе» (Институте социальных наук), хотя и был беспартийным.

В 1971 г. он создал в Институте всеобщей истории сектор (ныне — центр) африканских исследований. В 1994 г. в Кейптаунском университете — Центр российских исследований.

Выработался его подход к научной работе. Относиться к объекту исследования честно, не подчиняясь меняющейся пропаганде. Думать о взаимопонимании, миролюбии, миротворчестве. Историкам заниматься не только историей войн, но и этими добрыми традициями. Вместе со своими коллегами он опубликовал книгу о стремлении к миролюбию в странах Африки и об африканце Нельсоне Манделе, который стал символом миротворчества.

Став президентом Ассоциации британских исследований, А.Б. Давидсон проводил совместно с британскими учеными большие конференции в Москве и Лондоне. Обсуждались прежде всего добрые традиции взаимоотношений России и Британии, их культурные связи.

Аполлон Борисович участвовал в регулярных советско-американских Дартмутских конференциях. Их задачей было доверительное обсуждение всех сфер отношений между СССР и США. Конференции проводились в годы холодной войны с санкций правительств обеих государств с целью смягчения остроты взаимоотношений, поиска компромиссов. Хотя конференции не назывались секретными, сведения о них не разглашались.

Африке, ее истории и современности посвящено много работ Аполлона Борисовича. Он стремился привлечь внимание к тому, как быстро растет ее роль в современном мире и как, несомненно, будет возрастать и дальше. Эти проблемы он обсуждал не только со своими коллегами и африканцами, но и в американском Йельском университете, где была создана специальная программа изучения Африки. Она действовала несколько лет, и к участию в ее работе приглашались африканисты из многих стран.

Любимой темой Аполлона Борисовича был и остается наш «Серебряный век». Судьбами его творений и его творцов он занимался с юности, собирал сведения, когда это было в сущности под запретом. Встречался с Ахматовой, Одоевцевой, Всеволодом Рождественским, Берберовой, расспрашивал их. Пытался еще в начале 60-х опубликовать статью о Гумилеве. Но это имя было под запретом. Собранные сведения смог опубликовать, лишь когда перестройка смягчила или вообще убрала цензуру.

В книге много внимания уделено встречам автора. Конечно, со светилами советской исторической науки. С востоковедами. С лидерами африканских стран и зарубежными африканистами. С советскими, российскими, американскими и африканскими дипломатами, журналистами, политиками и общественными деятелями. С литераторами и литературоведами.

Но сколько же было других интересных и необычных людей, встретиться с которыми мог только тот, кто и сам мог быть им интересен. Эрнст Генри, например, автор книг «Гитлер над Европой» и «Гитлер против СССР», написанных за несколько лет до войны, коминтерновец, журналист. Или Эндре Шик, тоже коминтерновец, преподаватель Коммунистического университета трудящихся Востока, создатель советской программы изучения истории Африки, а позже — министр иностранных дел социалистической Венгрии.

Евгений Примаков и Николай Шмелев. Нельсон Мандела. Дэвид Рокфеллер. Руководитель Южноафриканской компартии Джо Слово. К сожалению, не обо всех этих людях А.Б. Давидсон рассказывает подробно. А жаль.

Конечно, в книге много о профессии. О том, какие темы были интересны автору в африканистике и почему. Об увлечении поэзией «Серебряного века». О том, как удавалось или не удавалось

публиковать те или иные книги. О работе — в Москве, в Америке, в ЮАР. Об источниках, поисках и находках.

И еще одно важное в этих воспоминаниях — книги. Автор приглашает читателя в свой мир прочитанного. Передает свои чувства и мысли словами и мыслями других людей. Или стихами. И порой открывает этих других с самых неожиданных сторон.

Кто бы мог подумать, например, что академик И.П. Павлов, совсем уж, казалось бы, далекий от политики человек, мог послать в Совет народных комиссаров, Бухарину и Молотову, такое письмо: «Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия... Мы живем под господством жестокого принципа: государство, власть — все. Личность обывателя — ничто... Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением приводят это в исполнение, как и тем, насильственно приучаемым участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами, чувствующими и думающими человечесно» (с. 11). Это было написано в 1934 г. 34-м! Когда и подумать такое было страшно, не то что написать и послать.

Или что Е.М. Примаков — Примаков! — мог написать такие строки (с. 269–270):

Давлю в себе раба, работаю в три смены,  
Но прежним остаюсь в поступках и делах.  
Быть может, наперед запрограммировали гены  
До самого конца жить в кандалах?

Или такие:

Всем этим мы накушались  
И наигрались всласть.  
Годами дурью мучились,  
Той, что зовется «власть».

Эта книга воспоминаний у А.Б. Давидсона не первая. В 2008 г. он опубликовал «Я вас люблю. Страницы жизни», в 2017-м «Письма с Мыса Доброй Надежды». Что-то из них повторяется и в этой книге. Видимо, автор хотел донести до читателя то, что ему кажется важным. Особенно до молодого — того, для которого прошлый век — средневековье. И к этому читателю обращен заголовок книги: «Наше неушедшее время».